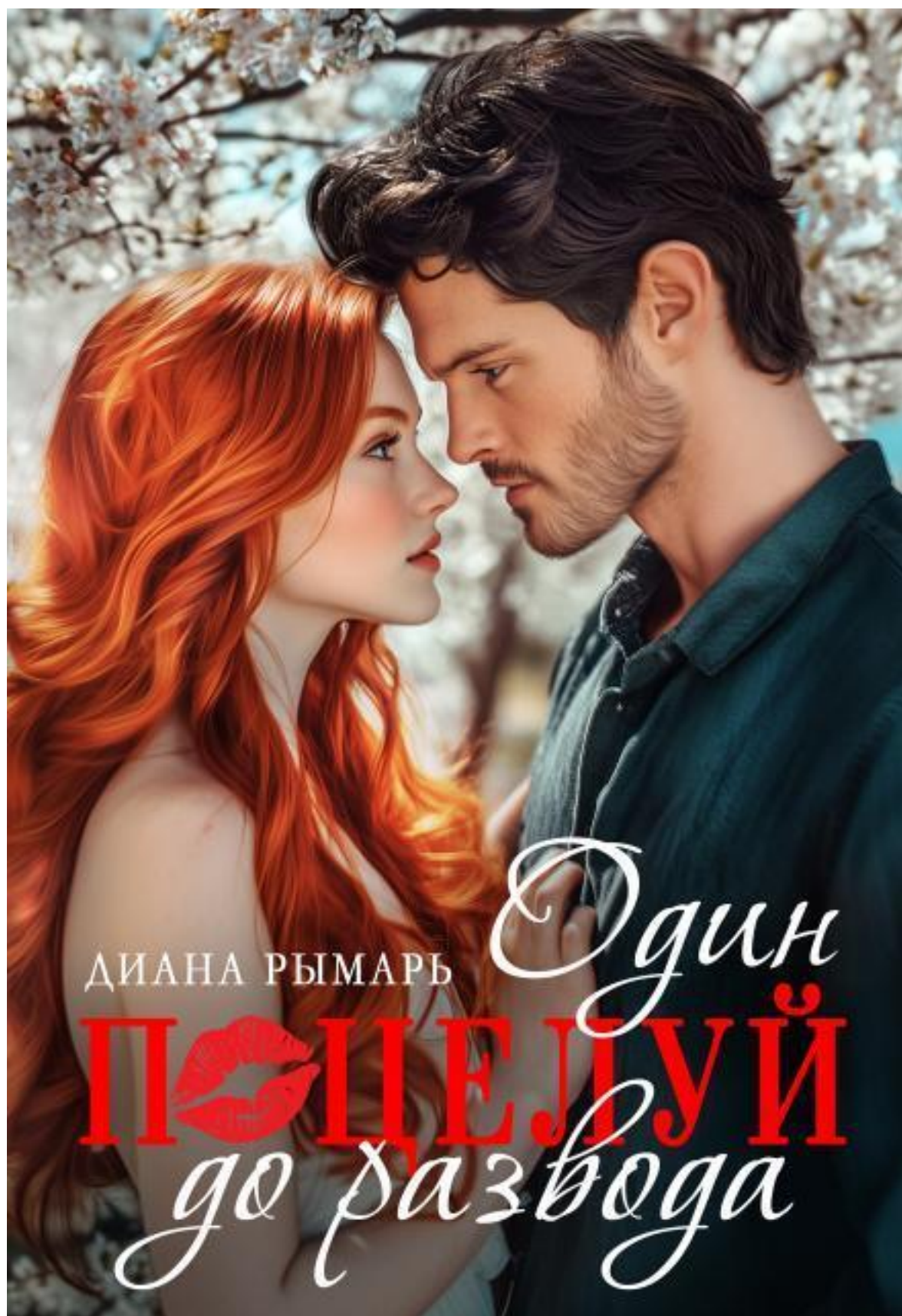

ДИАНА РЫМАРЬ

Один
ПОЦЕЛУЙ
до развода

Диана Рымарь

Один поцелуй до развода

«Литнет»

2026

Рымарь Д.

Один поцелуй до развода / Д. Рымарь — «Литнет», 2026

За неделю до свадьбы я застукал свою девушку в постели с другим. Понятное дело, выставил ее из дома с вещами. Теперь позарез нужна новая невеста, ведь если не женюсь в ближайшее время, отец оттяпает дедово наследство. Старый хрыч выдвинул условие в завещании — успеть жениться до тридцати, а тридцать мне как раз через семь дней. Никак не выкрутишься. В тот же день мне в руки попадает чудо в перьях. Реально в перьях, которые запутались в ее нелепых рыжих волосах. Чудо зовут Ася. Ей восемнадцать, студентка, первокурсница, с жуткими покраснениями на лице. Наивная и абсолютно не приспособленная к жизни, остро нуждающаяся в помощи. Беременная к тому же! Везет некоторым, особенно когда сто лет не надо. Я за всю жизнь сколько ни пытался, так и не получилось, а тут... Ася совершенно мне не подходит, у нас ничего общего. Но она идеальна для того, чтобы взбесить мою семью, а заодно и бывшую невесту. Пусть посмотрит, кого я предпочел вместо нее. Три месяца фиктивного брака, потом получу деньги, фирму, оформлю развод. Куплю девчонке квартиру где-нибудь в Задрыпинске, чтобы не мозолила мне тут глаза. И всего дел! План казался мне идеальным, пока я в нее не влюбился... Однотомник, ХЭ Читать историю про Софу можно тут:

© Рымарь Д., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Птичка залетная	5
Глава 2. В квартире Егора	8
Визуал	13
Глава 3. Гордый рогоносец	20
Глава 4. Проблемы на его голову	24
Глава 5. Чудо в перьях	27
Глава 6. Код красный	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Глава 1. Птичка залетная

Ася

Вот уже пять минут я пялюсь на проклятушие полоски на тесте.

Их две, а должна быть одна...

Божечки, ну почему их две? Ужас какой!

— Аська, ты там утонула, что ли? — В дверь ванной стучит подруга Софа.

Имеет право злиться, ведь это я у нее в гостях, а не наоборот. И я тут правда надолго застряла.

С шумом выдыхаю, поправляю на голове шапочку для душа, под которой пропитываются краской мои волосы.

Кладу тест на свернутую вдвое туалетную бумагу, беру его и со скорбной миной выхожу.

— Вот... — Показываю его с обреченным видом.

— Ну, подруга, ты залетела...

— Еще как! — чуть не всхлипываю я.

Причем во всех смыслах залетела.

— Ты что переживаешь так? — удивляется Софа. — Ты ведь с парнем живешь, у вас все хорошо, квартира двухкомнатная, отношения, все дела.

Действительно, и чего это мне переживать...

Мы с Егором, конечно же, любим друг друга, причем настолько, что он пригласил меня вместе жить. Уже месяц, как я с ним.

Но чтобы забеременеть... Это явно рано!

Мне восемнадцать, я учусь на первом курсе ветеринарной академии, своего дохода у меня почти ноль, если не считать подработки в кафе. А того, что присылают мама с отчимом, и близко не хватает даже на еду. Кстати, если они узнают про беременность, вообще могут прекратить переводы, я и так папе номер два как кость в горле.

Правда, Егор тоже подрабатывает, но он такой же студент, как и я. И он стопроцентно не ожидает от меня сюрприза в виде залета.

— Софа, что делать-то... — охаю я с круглыми глазами.

— Успокоиться, — деловито отвечает она, поправляя очки на носу. — И порадовать будущего папашу.

— Я не очень уверена, что он обрадуется, — честно ей признаюсь. — Мы ведь не так давно вместе, да и квартира съемная, как мы там с малышом... Как же я так умудрилась!

— Почему ты? — Подруга смотрит на меня укоризненно. — В процессе участвуют двое. Без его живчиков ничего бы не вышло.

— Оно понятно. — Я чешу лицо, которое внезапно начинает печь. — Но просто такой сюрприз...

Софа убирает со лба блондинистую челку и продолжает разглагольствовать:

— А кто в этом сюрпризе виноват? Кому было лень идти за резинками? Тебе, что ли? Ты сама рассказывала, как он себя вел.

Рассказывала, да. И теперь жалею об этом, потому что все-таки интимный момент. Но когда делилась с подругой, была так возмущена, что вырвалось. В общем, она в курсе.

— Что-то лицо чешется, — жалуясь я и снова скребу щеку ногтями. — Ты уверена, что средство хорошее?

— Хорошее-хорошее, — машет руками Софа. — Вичка так от всех веснушек избавилась, и твои уйдут, будет кожа гладенькая, персик просто.

Я хочу кожу-персик и волосы красивые.

И уже отчасти жалею, что поддалась на провокацию Софы, пошла делать тест сегодня. Просто у нее был на всякий случай, а у меня задержка в пару дней, вот и срослось. Пока она красила мои волосы, мазала кожу средством от веснушек, мы разговорились, решили сделать на всякий пожарный.

Сделала на свою голову!

Лучше бы я завтра узнала. Или через неделю...

Хотя от времени узнавания факт наличия ребенка не изменится, и само оно точно не рассосется.

Меж тем лицо начинает всерьез печь.

— Я все-таки пойду смою крем, что-то не то, — сообщаю ей.

Бегу обратно в ванную.

Кручу кран на полную, плещу себе в лицо. Вода холодная, аж дыхание перехватывает, но жжение не проходит. Наоборот, кажется, становится только хуже.

Поднимаю глаза на зеркало и чуть не вскрикиваю от ужаса. В отражении на меня смотрит какая-то красная рожа с противными пупырышками, которые высыпали прямо поверх веснушек. А веснушки-то никуда не делись! Наоборот, на фоне красноты стали еще заметнее.

— Софа! — истерично кричу я.

Она тут же врывается в ванную, смотрит на меня и хватается за сердце.

— Да у тебя аллергия! — охает Софа. — Как же ты не сказала про аллергию?

— А я о ней знала? — громко возмущаюсь. — Ты же говорила, что средство проверенное!

— Главное, не психуй! — Софа выставляет вперед ладонь. — Есть у меня средство от аллергии, стопроцентное...

То же самое она говорила про крем от веснушек. Но, кажется, мое лицо сейчас просто невозможно испортить сильнее.

Софа несется в комнату, возвращается с какой-то голубой тубой и начинает мазать мне лицо новым кремом. Сначала вроде легче становится, но через пару минут кожу начинает просто невыносимо печь.

Я охаю и снова бросаюсь к раковине, смываю и этот крем тоже.

Смотрюсь в зеркало.

Стало еще хуже! Красные пятна теперь увеличились в размере.

— Ася, краска! — вдруг кричит Софа.

Тычет мне в волосы, накрытые шапочкой для душа.

Передержали!

В панике из-за теста и аллергии мы совсем забыли про время.

Вдвоем бросаемся смывать краску с моих волос. Я наклоняюсь над ванной, а Софа поливает мне на голову из душевой лейки. Вода льется за шиворот, промочила всю футболку, но сейчас это последнее, о чем стоит переживать.

Заматываю голову в старое полотенце Софы, потом сушу волосы выданным ею феном.

Смотрюсь в зеркало и холодею.

Красивый медный оттенок, который обещался на коробке, на моих пушистых рыжих волосах выглядит откровенно странно. Неоднородный какой-то, кое-где слишком темный, кое-где с дешевой рыжинкой и даже розовинкой. Откуда бы она только взялась...

Я похожа на пугало огородное! А если добавить к этому красное лицо в веснушках и аллергических пупырьках — полный ужас.

— Софа, блин! Ты что за краску мне посоветовала?! — практически рыдаю я.

— Прости, прости! — молит подруга. — Если бы не передержали, все было бы супер. Но мы отвлеклись, поэтому так и вышло.

Мне хочется плакать. Сходила к подруге за красотой, называется. Теперь похожа на монстра из фильма ужасов.

— И как я в таком виде домой пойду? Как с Егором буду откровенничать?

— Прости еще раз, — мнется Софа. — Но у меня никак нельзя остаться дольше. Скоро соседки придут, а ты знаешь, какие они... Уже сама мечтаю переехать от них к чертовой бабушке.

Мне не остается ничего другого, кроме как вздохнуть и покориться судьбе.

Придется идти домой в таком вот непрезентабельном виде. И еще признаваться в новом интересном положении. Как же все не вовремя!

Выхожу от Софы, медленно спускаюсь по облезлым ступенькам хрущевки.

Выхожу на улицу и сразу натягиваю капюшон на голову, прячу лицо. Хорошо хоть, на улице уже темно, но в трамвае-то светло будет!

Плечусь к остановке, стараясь не попадаться людям на глаза. Достая из сумки дешевые солнечные очки, надеваю их. В темноте вообще ничего не видно, но хоть лицо прикрыто.

Кое-как добираюсь до родной девятиэтажки, искренне надеюсь, что Егор еще не пришел с работы. Может, успею замазать тональным кремом весь этот ужас? А волосы... Ну перекрашу как-нибудь завтра в нормальный цвет.

Прямо у входа в подъезд телефон пищит — пришло сообщение.

От Егора.

«Асек, ко мне сегодня нельзя, извиняюсь».

Читаю еще раз. И еще.

Э-э... Что бы это значило?

Глава 2. В квартире Егора

Ася

Я с недоумением пялюсь на телефон и силюсь понять, почему Егор мне так написал. Экран мерцает в темноте, буквы расплываются перед глазами от шока.

Что значит — сегодня нельзя домой?

А куда мне деваться?

На лавочке спать, что ли?!

Холодный мартовский ветер задувает под капюшон, и я ежусь.

Внутри растет возмущение. Мы вообще-то с ним вместе живем, я даже на коммуналку скидывалась в этом месяце.

Дрожащими пальцами набираю ответ: «А что случилось?»

Жду.

Минута.

Две.

Ответа нет.

Где-то вдалеке воеет сирена скорой помощи, из соседнего подъезда доносится лай собаки. Обычные городские звуки, но от них мне почему-то становится еще тоскливее.

Егор ведь знает, что пойти мне, в общем-то, некуда. Из общаги я выселилась, когда переезжала к нему, — сдала место и получила немного денег за оставшиеся месяцы проживания. А единственная подруга живет на птичьих правах со злобной сестрой и ее приятельницей. К ним даже на раскладушку фиг напростишься — они и Софу-то терпят через силу.

Еще некоторое время топчусь у подъезда, переминаясь с ноги на ногу.

Потом снова пишу Егору: «Почему домой нельзя?»

Но он по-прежнему молчит, даже не читает мои сообщения. Две серых галочки так и остаются серыми.

Что ж, на нет и суда нет.

На лавочке ночевать я категорически не согласна.

Поэтому почти решительным шагом и с трясущимися поджилками я все-таки захожу в подъезд.

На первом этаже горит только одна лампочка из трех, остальные разбиты местными любителями острых ощущений.

Поднимаюсь на лифте на девятый этаж.

Кабина скрипит и подвывает, как обычно, на шестом этаже подергивается. Прижимаюсь к стенке и молюсь, чтобы лифт не застрял — не хватало еще в таком виде сидеть между этажами.

Когда подхожу к квартире, появляется немотивированное желание позвонить в дверь, но ведь у меня есть ключи.

Впрочем, когда сую их в замочную скважину, понимаю, что дверь открыта.

Захожу и торопю от увиденного...

В небольшой прихожей, рядом с белыми кроссовками Егора стоят красные лаковые сапожки на тонкой шпильке.

Модные, явно дорогие, из натуральной кожи — я такие только в витринах видела.

На крючке висит красный кожаный пиджак, аккуратно развешенный на мою вешалку. И запах в квартире витает незнакомый — терпкие духи с нотками розы и ванили.

Обалдеть не встать, у Егора другая?

Как же так можно?

Сегодня утром со мной спал, целовал в шею, говорил, что я самая красивая, особенно если веснушки убрать, а вечером вот такое вот.

Яркое воображение тут же подсовывает картинки — как он встречает какую-то красотку в дорогой одежде, приводит к себе для того, чтобы...

Нет, не хочу об этом думать!

Как есть, в куртке, прохожу в квартиру.

Шагаю в гостиную на ватных ногах, подмечаю накрытый стол.

Наша обычная дешевая столешница покрыта скатертью, которую я никогда не видела, — она белая, с золотистой вышивкой. На ней красуется торт «Красный бархат» в прозрачной коробочке, стоят красивые чашки с золотыми ободками и блюда в тон. Таких у нас точно не было еще сегодня утром.

Чувствую запах свежесваренного чая — травяного, того самого, что я купила на выходных. Не тот пакетированный «Липтон», который Егор обычно заваривал себе.

Вскоре из кухни показывается Егор с пузатым прозрачным чайником, до краев заполненным зеленоватым чаем.

Мой парень, голубоглазый шатен с мягкими кудрявыми волосами и тремя веснушками на носу. Он в домашних серых джинсах и синей футболке с надписью «NASA», которую я ему подарила на день рождения. На по-мальчишески привлекательном лице играет довольная улыбка, но... Ровно до того момента, пока он меня не видит.

Как только взгляд Егора падает на меня, у него делаются страшные глаза.

Аж чайник чуть из рук не выпустил!

И тут из кухни выходит...

Нет, не девушка.

Ей явно лет сорок, а может и больше, хотя очевидно, что она всеми силами пытается выглядеть моложе. Волосы высвечены до почти белого цвета, аккуратно уложены в голливудские локоны. На ней красивая красная юбка-карандаш, бежевая шелковая блузка, на шее жемчужные бусы. Выглядит дорого и как с иголочки.

Как только женщина появляется в гостиной, тут же окидывает меня взглядом хищницы, изучающей добычу. Брови приподняты, губы сжаты в тонкую линию.

Она надменно поднимает подбородок и холодно произносит:

— Егор, кто это?

Егор мнется, переступает с ноги на ногу, ставит чайник на стол:

— Мама, это не то, что ты думаешь...

Мама? Значит, это я его к маме приревновала?

Впрочем, мама — это хорошо, по крайней мере значительно лучше, чем другая девушка.

На меня разом накатывает облегчение, такое сильное, что колени подгибаются.

Хотя...

Совсем не так я хотела познакомиться с родительницей любимого. И тем более не в таком виде. Я выгляжу, как крокозябра, — волосы серо-буро-малинового цвета торчат в разные стороны, лицо красное, в пятнах и пупырышках, еще и пришла, кажется, крайне не вовремя, учитывая сообщения Егора.

К тому же беременная...

Как мне в такой обстановке сообщать Егору про ребенка? А сообщить надо. И маме его, наверное, тоже.

Мне становится дико неловко.

Мямлю, отводя взгляд в сторону:

— Мог бы и предупредить, что к тебе приехала мама...

Его родительница скрещивает руки на груди, золотые браслеты тихо звякают.

— Девушка, — строго обращается она ко мне, — кто вы такая и почему мой сын должен вас о чем-то там предупреждать? Что вы делаете в его квартире?

Голос у нее низкий, властный. Акцент явно не кубанский, интеллигентский такой.

Эм...

Кажется, кто-то не рассказал маме, что со мной съехался. Это очевидно и очень неприятно. Моментально чувствую себя лишней, поворачиваюсь к Егору в надежде на его поддержку.

Но никакой поддержки нет.

Егор отворачивает лицо и блеет совершенно незнакомым мне раболопным тоном:

— Мам, это так... Уборщица. Я просто немножко зашорился с учебой, пригласил одну прибраться, поесть приготовить. Пару раз всего...

Значит, я уборщица.

Вот так да!

Чего угодно ожидала от Егора, но не такого. Стою, ошалело хлопаю ресницами и не знаю, что сказать. От неожиданности аж в горле пересохло, язык словно ватный.

Его мать презрительно фыркает:

— А самому прибраться не судьба? Или руки слишком золотые? Избаловала я тебя, сын.

Егор виновато смотрит в пол, теребит край футболки:

— Да я это...

Мать Егора резко машет рукой в мою сторону:

— Уборка не нужна, идите отсюда, девушка.

Нормальный такой расклад.

Вали-ка, Ася, из собственного дома, а Егорка помолчит, в сторонке постоит, будто так и надо.

Тут меня прорывает:

— Никакая я не уборщица! Мы с Егором тут вместе живем, вот!

Мой голос срывается, звучит немного истерично, но ситуация не из лучших.

Мадам выпучивает глаза, отступает на шаг:

— Ты?! С моим сыном?! Да ты на себя в зеркало посмотри, Квазимодо...

А я в зеркало уже насмотрелась, но очевидно же, что на лице аллергия! Еще с утра я была вполне симпатичной, даже, можно сказать, красивой местами. И на кой мне понадобилось убирать эти веснушки? Они Егора даже не очень-то и раздражали.

Почему он молчит? Сейчас самое что ни на есть время за меня вступиться.

Становится так дико обидно, что я невольно выступаю вперед, сжимаю кулаки.

— Я могу доказать, что тут живу! — вдруг выдаю.

Мать Егора иронично приподнимает накрашенную бровь:

— Чем же?

— У меня тут вещи!

С этими словами иду напрямиком в спальню, куда месяц назад при переезде сложила все свои лифчики-трусики, кофточки-юбочки. Не то чтобы у меня их было много, но пару полок в шкафу занимают точно.

— Вот смотрите! — резким движением открываю шкаф.

Но там пусто...

То есть не совсем пусто. Мои полочки заняты вещами, да. Вот только вещи не мои, а Егора. Тщательно выглаженные мной на выходных майки и футболки висят на плечиках. Разложенные по парам и цветам носки лежат в ящичках, там же джинсы всех мастей.

Все аккуратно, как в армии.

Мать Егора ехидно ухмыляется:

— Где ж они? Твои вещи...

Нервно оглядываюсь по спальне, ища хоть одну свою вещичку.
Но ничего нет!

Ни учебников по ветеринарке, ни планшета, на который я все лето вкалывала в кафе, ни даже мишки моего любимого с голубым бантиком на шее — подарка от бабушки на день рождения.

— Вот подушка моя! — Хватаю ее обеими руками.

А она и вправду моя — с лебяжьим пухом, в белой наволочке с мелкими розочками. Еще один подарок от любимой бабули.

Обнимаю подушку, вдыхаю знакомый запах — мой шампунь, мои духи. Хоть что-то родное в этом кошмаре.

Мать Егора наступает на меня с хищным выражением лица:

— А ну, положи подушку!

— Это моя... — Сжимаю ее еще крепче.

— На ней не написано, что твоя! Это подушка в квартире моего сына, значит его...

Положи подушку и чеши отсюда. Воровка!

Кажется, мне только что предъявили, что я хочу украсть собственную подушку. Я не ослышалась? Точно?

От такого нелепого обвинения я впадаю в транс.

Хлопаю ресницами и не знаю, что делать.

В голове туман, не могу собрать мысли в кучу.

— Егор, скажи ей! — поворачиваюсь к нему с мольбой.

И тут вдруг Егор, мой любимый Егор, говорит:

— Мам, да она чокнутая какая-то... Реально, пару раз хату прибрала и уже типа живет тут. Во наглость! Сталкерша! Еще и подушку нюхает, вон посмотри...

От таких слов я деревенею.

Складывается ощущение, что меня сильно стукнули по голове, и мир перевернулся вверх тормашками.

Нет, Егор не мог такого сказать обо мне. Не мог, и все тут.

Меж тем мать Егора начинает на меня наступать, протягивая руки к подушке.

— Немедленно отдай, — шипит яростно.

А я будто не слышу ее слов, вцепилась в эту подушку, как в спасательный круг.

Ни за что не отдам!

Тогда она, не жалея свежего маникюра, пытается вырвать подушку у меня из рук. Ее острые ногти впиваются в ткань, но все, что ей удастся, это сорвать наволочку, которая держалась на пуговице.

Тут наконец я включаюсь:

— Вы с ума сошли!

А она злобно щурится и фырчит:

— Еще всякие тут будут на моего сына слюни пускать! Ни за что не позволю, чтобы какая-то там деревня имела виды на моего мальчика. Он сюда учиться приехал. Отдай подушку и вали отсюда!

Я отступаю на шаг, но позади стена, бежать некуда.

Мать Егора снова набрасывается на меня, пытается забрать злосчастную подушку. Тянет изо всех сил, но я не сдаюсь, не отпускаю.

Однако старая ткань не выдерживает натяжения, рвется по шву с громким хлопком.

Лебяжий пух вырывается наружу тысячью белых перышек.

Вся комната, в том числе и мы с матерью Егора, оказываемся в облаке пуха. Он садится на волосы, залетает в нос, прилипает к одежде.

— Подушечка моя! — чуть не плачу.

Кое-как пытаюсь отряхнуться.
Родительница Егора кричит, отплеываясь от перьев:
— Сейчас полицию вызову!
Ну вот и что тут сделаешь?
Ведь и вправду вызовет! Психичка неуравновешенная...
Еще и хозяйка квартиры прикатит, а она даже не в курсе, что я тут поселилась. Договор аренды оформлен на Егора.
А еще я, кажется, сейчас разрыдаюсь на глазах у этой гарпии.
Не выдерживаю напряжения и мчусь к выходу.
Убегаю из квартиры.
Хочется на воздух, чтобы как-то прийти в себя.
Смахивая слезы и кое-как сдерживая всхлипывания, я бегу к лифту, спускаюсь на первый этаж.
На негнущихся ногах выхожу из подъезда, кое-как отряхиваюсь от пуха.
Руки трясутся, в глазах плывет от обилия слез.
Бреду по дороге, не зная куда, не видя ничего вокруг.
В голове так и крутится: «Уборщица... чокнутая... сталкерша... Так он обо мне думает? Что это вообще только что было?»
Прохожу мимо круглосуточного магазина, из которого доносится запах свежего хлеба и кофе.
Перехожу дорогу и совершенно не замечаю, как не пойми откуда появляется черный дорожный БМВ.
Водитель сигналист, тормозит.
Мне бы отскочить в сторону, но не успеваю.
Машина с глухим ударом толкает меня в правый бок.
От неожиданности начинаю размахивать руками, пытаюсь удержать равновесие, но падаю назад. Лечу попой на холодный асфальт, а затылком ударяюсь о железный столбик ограждения клумбы.
Искры в глазах, звон в ушах.
Из машины выскакивает злющий мужик.
Последнее, что слышу, теряя сознание:
— Дура, что под колеса лезешь?!

Визуал

Дорогие, любимые, вот оно наше рыжее чудо Ася. Студентка ветеринарной академии, первокурсница. Наивная девушка, без жизненного опыта, но она обязательно со всем справится.

А вот Егор! В ближайших главах узнаем его получше.

А с этим героем вы еще не знакомы, зовут его Багиш Бедросович Торосян, и скоро он покажет себя во всей красе!

Надеюсь, вам понравился визуал! А теперь возвращаемся к нашим героям.

♥#♥#♥#

Глава 3. Гордый рогоносец

Багиш

Поднимаюсь в лифте на пятнадцатый этаж, держу в руке букет красных роз. Тридцать одна штука по числу лет Нэлли — тридцать плюс одна для неровного счета. Голландские, в фирменной упаковке, с лентами. В марте стоят целое состояние, но раз проштрафился, значит...

Нэлли любит широкие жесты.

К тому же надо как-то загладить утренний конфликт, поэтому я пришел домой пораньше.

Нагрубил ей, некрасиво поругались из-за какой-то ерунды. Кажется, она хотела новую шубу, а я сказал, что в марте она ей без надобности. Тем более что у нас скоро пополнение, Нэлли на третьем месяце, так что деньги пригодятся на другое.

Но поди ей что-то докажи!

Женщины... Они же обижаются на всякую мелочь.

Ключи от квартиры звякают в руках. Недавно купил эту трешку в самом сердце города, освежил ремонт — все для будущей жены, а ей шубу в марте подавай. Разбаловал, что ли?

Открываю дверь, вхожу в просторную прихожую.

Вешаю пиджак на итальянскую вешалку, ставлю туфли в специальную нишу. Паркет блестит, зеркала сияют — Нэлли содержит дом в идеальном порядке, не придерешься.

Иду к кухне, чтобы поставить цветы в воду, но вдруг замираю.

Из спальни доносятся какие-то странные звуки. Это определенно смех, причем не Нэлли — более грубый, хриплый. А потом мужское покашливание и... стоны?

Что за хрень?

Да ну нет, Нэлли на такое не способна, она меня любит!

Мы через неделю свадьбу играем, платье уже сшито, ресторан заказан, да и вообще...

Иду напрямиком к спальне.

Дверь полуоткрыта, заглядываю внутрь и офигеваю от увиденного.

На моей кровати, на белоснежном итальянском белье лежит голый мужик. Худощавый, небритый, лет тридцати. Совершенно незнакомый тип. А над ним, бесстыдно расставив длинные стройные ноги, стоит моя роскошная Нэлли.

Длинные платиновые волосы струятся по плечам, точеная фигурка, грудь четвертого размера — результат моих вложений в пластику. И сейчас эта сука медленно, с чувством стягивает с себя кружевной лифчик.

Трусики давно валяются на пушистом ковре возле кровати. Причем разорванные! Видимо, этот козел не смог аккуратно их снять, так торопился к моей бабе.

Совершенно бездумно подмечаю детали: на кровати прямо рядом с этими двумя лежит раскрытая коробка из-под пиццы. Рядом с тумбочкой курьерская сумка.

Дело раскрыто: Нэлли заказала пиццу и решила жахнуть курьера прямо на моих простынях. Заодно пожрать с ним пиццы прямо в постели.

Кстати... Я же вчера чувствовал какие-то крошки в кровати, думал — печенье ела перед сном, хотя для нее нехарактерно. А она, оказывается... Сука!

Мне надоело быть наблюдателем этого беспредела.

Врываюсь в комнату, швыряю букет на пол.

— Нэлли, ты охренела?!

Она оборачивается и взвизгивает:

— Ой!

Хватается руками за грудь, пытается прикрыться.

Но очевидно не знает, от кого прикрываться — то ли от меня, то ли от любовника, который в ужасе натягивает плед на свой жалкий прибор.

Мой плед похабит, гнида! Я его недавно невесте в подарок купил, кашемировый, за полтора куса баксов.

— Я тебя сейчас убью! — рычу, сжимая кулаки.

Даже не знаю, к кому обращаюсь — к невесте или к незадачливому идиоту, решившему, что ему можно поиметь чужую женщину.

Дальше творится полный звездеч.

Курьер соскакивает с кровати, бросается к своей одежде. Успеваает натянуть только трусы, но больше ничего не может сделать, потому что я даю ему такого подзатыльника, что козел летит прямо на ковер.

— Простите, я не хотел! — пищит он, проползая на четвереньках к выходу и подхватывая штаны.

— Пошел нахрен отсюда! — ору я.

Курьер исчезает, забыв свою сумку. Хорошо хоть, не обделался от страха. Впрочем, тогда я заставил бы Нэлли прибираться, прежде чем выпереть и ее.

Теперь очередь невесты попасть под мою горячую руку.

Оборачиваюсь, со злобным видом ищу ее взглядом. А эта стерва уже успела накинуть красный шелковый халатик, который я ей на Восьмое марта дарил, и стоит руки в боки по другую сторону кровати. Как ни в чем не бывало.

— Не смей меня ни в чем винить! Ты сам во всем виноват! — заявляет она нагло, задрвав подбородок.

От подобной наглости у меня челюсть отваливается.

Аж хрипну:

— Я виноват?! Это я, твою мать, курьера шпилил в нашей кровати?!

— Ты меня не понимаешь! — кричит Нэлли, топая ногой. — Ты целыми днями на работе, деньги зарабатываешь, а про меня забыл! Зарабатываешь, зарабатываешь, но даже на шубу мне пожалел... А когда ты мне последний раз цветы дарил?

Показываю на растоптанные розы, которые лежат на полу:

— Вот, только что принес, наслаждайся!

— А до этого? — Нэлли закатывает истерику. — Почти месяц назад! Восьмое марта не считается. А этот мальчик меня понимает, он со мной говорит!

— Говорит, говорит... Видел я, как он с тобой говорил! Причиндал он в тебя засунуть хотел, вот и все разговоры!

Нэлли краснеет, но не сдается:

— Ты грубый! Вот поэтому я и...

— Рот свой закрой, — перебиваю. — Не будь ты беременной, я бы тебя с лестницы спустил вслед за этим дурнем... Но даже в положении ты тут жить не будешь, поняла? Готовься к переезду. Сниму тебе квартиру, до родов проживешь там, а потом посмотрим. И да, свадьба отменяется.

— Ха! — огрызается она. — Это ты готовься к переезду! Квартира наша общая, и ни в какой съемной халупе я жить не буду.

— Хрена с два ты угадала, дорогуша. Договор купли-продажи на меня оформлен. Так что в твоих интересах сейчас захлопнуть рот и готовиться к переезду на моих условиях. И да, теперь я сделаю ДНК-тест, поняла? Собирай вещи, не то хуже будет...

Нэлли понимает, что я не шучу. Но ей хватает наглости и с места не сдвинуться.

Вообще впервые вижу, чтобы она *так* себя вела. Обычно: «Багиш, милый, я так тебя люблю, чего бы тебе хотелось прямо сейчас?..» А тут...

— Вообще-то я с этим курьером наши с тобой отношения спасала. Спасибо бы сказал...

На этом я окончательно зависаю.

— Это... как, твою мать?

Мне искренне интересна ее интерпретация, потому что у меня ни одной идеи, как, даже чисто теоретически, это можно сюда приплести.

— Дорогой Багиш. — Она сжигает меня взглядом. — Признай уже, у тебя проблемы по мужской части.

Эм... Что?!

Нэлли продолжает с издевательской улыбкой:

— Мы с тобой уже полгода, как кролики, я пренатальные витамины горстями ела, а толку? Да я скорее от туалетной сидушки залечу, чем от тебя! Вот пришлось выходить из положения...

Окончательно теряю связь с реальностью.

— В смысле? Ты же беременна! Мы на УЗИ ходили на прошлой неделе, я собственными ушами слышал сердцебиение малыша, третий месяц уже...

Нэлли смотрит на меня взглядом из разряда: «Ну ты и лошара, Торосян...»

Я и вправду в этот момент чувствую себя жутким лохом.

Осознание буквально прибывает к плинтусу.

Значит, пока я ходил счастливый, наглаживал ее живот, таскал ей клубнику ночью, она все это время надо мной смеялась? Врала про беременность и ржала, гоняя меня за всякой ерундой? Колбасу ей с трюфелями, ягненка, запеченного в русской печи, и прочую ересь...

Мне дорогого стоит не подойти и не свернуть ее тощую шею.

Очень хочется, но держусь из последних сил.

— Пошла вон из моего дома... — тихо рычу. — Можешь прямо на причиндал этого курьера, мне все равно. Где он там живет, в общежитии какой-нибудь? Вот туда и вали...

— Милый, а ты ничего не забыл? — Нэлли хлопает наращенными ресницами. — Кому-то через неделю исполняется тридцатник. А что говорится в условиях завещания твоего обожаемого дедушки? Не женишься до тридцати, и фирма, которую ты так обожаешь и ради которой столько вкалываешь, перейдет к твоему дражайшему папочке. О таком нюансике ты помнишь? У нас свадьба на выходных! Предлагаю забыть инцидент и...

Мне с каждой секундой становится все сложнее сдерживаться.

— Другую невесту найду, вообще не проблема.

— О, боюсь, ты никем не сможешь меня заменить, милый. Покатавшись на такой «Феррари», — она обводит руками свое тело, — вряд ли удовлетворишься жалкими «Жигулями»...

Сколько пафоса в этой речи, сколько самолюбования.

На ком я вообще жениться собрался? Я что, ослеп, что ли, когда приводил ее в дом?

Хочется любыми путями сбить с нее спесь.

— А я не сказал, да? — тяну с издевкой. — У меня другая есть... Милая девушка, нравится мне очень. Я бы с тобой и раньше расстался, но думал, что ты беременна, так что...

— Что?! — орет она дикой кошкой. — Да как ты только мог?

— Ну извини, Нэлли, любовь... — картинно развожу я руками. — Ты бы все-таки сходила к своему курьеру, вдруг с ним у тебя выгорит. Со мной — точно нет.

— Какой курьер? Какая любовь? — взвизгивает она. — Ты меня любишь! Ну гульнул, и ладно, с кем не бывает... Я готова тебя простить. Давай все забудем, и...

Забудем, ага. На смертном одре я ей это забуду — и то не факт.

Мне надоел этот цирк.

Мерю ее убийственным взглядом и цежу:

— Я сейчас уйду. Поеду покатаюсь, чтобы остудить голову. А когда вернусь, тебя здесь не должно быть. Потому что, если застану дома, меня посадят...

— За что? — разом пугается Нэлли.

— Как за что? За убийство. Пришибу тебя на хрен!
Разворачиваюсь и иду на выход, от греха подальше.

Глава 4. Проблемы на его голову

Багиш

Сажусь в свою БМВ и выезжаю со двора, колеса взвизгивают на асфальте.

После случившегося у меня аж руки трясутся от злости, сердце колотится, как отбойный молоток. Надо срочно остыть, а то натворю дел.

Впрочем, довольно скоро я уже жалею, что вообще выехал. Ведь вечерние пробки никто не отменил в честь того, что мне изменила невеста.

Час пик в Краснодаре в самом разгаре, машины ползут со скоростью черепахи. Какой-то судак на красной «Мазде» подрезает меня прямо перед носом, я вынужден резко тормозить.

— Питекантроп, куда прешь! — ору в лобовое стекло и давлю на сигнал.

Водитель «Мазды» показывает мне средний палец. Хочется выйти и набить ему морду, но сдерживаюсь. И так день хреновее не придумаешь.

Еду, сам не знаю куда.

Просто нужно ехать, двигаться, чтобы ненароком не вернуться домой и не привести в исполнение угрозу придушить Нэлли.

Впереди очередной светофор, опять красный.

Барабаню пальцами по рулю, по радио какая-то попса про любовь. Выключаю нафиг.

На перекрестке творится полный звездец.

Какой-то дед на древних «Жигулях» не может разъехаться с маршруткой, оба упрямо стоят и сигналият друг другу. Я подрезаю их справа, проскакиваю между бордюром и маршруткой.

— Научитесь ездить, питекантропы! — рычу себе под нос.

Застреваю в пробке на кольце возле торгового центра. Машины стоят в три ряда, никто никуда не движется.

М-да, расслабиться за рулем была так себе идея. Снять напряжение не получается.

Не понимаю, зачем я вообще сел за руль в час пик? Также не понимаю, чем я думал, когда решил жениться на Нэлли...

Да, сроки поджимали, а большой любви в моей жизни так и не появилось. У меня вообще с этим напряг — не влюбляюсь, и все тут. Чтобы, как в юности, за душу взяло — с шестнадцати лет у меня такого не было.

Слишком взрослый для этого, наверное. А может, слишком циничный, знаю изнанку жизни. С такими знаниями в любовь как-то не верится, поэтому превыше чувств ценю собственный комфорт. Главное ведь, чтобы мне хорошо жилось. Секс регулярный, налаженный был, желание второй половины завести потомство.

Детей хочу — это да.

В общем, взял то, что само в руки приплыло.

С Нэлли вот уже год как к тому времени периодически встречались для обоюдного удовольствия. Она вела себя идеально — никогда не названивала после полуночи, не устраивала сцен ревности, когда я пропадал на работе, не требовала постоянных свиданий. А в постели... В постели она настоящая тигрица. Умеет делать такие штуки, о которых другие девушки и не подозревают. Главное — никогда не притворялась невинной овечкой, терпеть этого не могу.

Когда сделал предложение, она и вовсе превратилась в пионерку, разве что честь не отдавала. Моментально уволилась с работы косметолога и принялась вить уютное гнездо — чего я в принципе и ждал от будущей жены. Готовила, убирала, встречала с работы в красивом белье.

Потом она оборзела, конечно, начала потихоньку качать права. То шуба нужна, то машина, то еще какая-то хрень. Но поскольку к тому времени уже залетела, как я думал, я спустил это на тормозах. А вот не надо было спускать!

Проблемы по мужской части...

Вашу ж мать! Не то чтобы я впервые об этом слышал. Была у меня пара романов до нее, тоже подумывал остепениться, но детей не получалось, сколько бы ни спали без всякой защиты.

Ежу понятно, я проверил организм от и до. В двух разных клиниках! Так вот, живчики у меня образцово-показательные. Подвижность отличная, концентрация выше нормы. Так что проблем по мужской части у меня ноль целых, ноль десятых — ни в процессе, ни в финале.

Но поди ж ты, фейковая беременность от швали, которая таскает всякую шушеру в мою кровать и при этом даже не считает себя виноватой!

Интересно, что заставило Нэлли признаться? Наверное, поняла, что ничего уже не выгорит. Потому что я бы выяснил правду очень быстро, отвез на ДНК-тест, там бы мне и сообщили — здрасьте, кого вы нам привели, она ведь не беременна.

Но даже если бы она забеременела от этого курьера, ребенок родился бы сильно позже срока. Неужели она этого не понимала? Идиотка! Или рассчитывала быстренько родить в семь месяцев, а я бы не догадался, что ребенок недоношенный?

Что в головах у этих баб...

Противно о ней вспоминать.

И где теперь искать новую невесту? Не по объявлению же, в самом деле.

Ну дед, ну удружил...

А ведь мы с ним отлично ладили, пока он не начал сдавать и у него ум за разум не зашел. Последний год дед провел в больнице, и если до этого со своим сыном, то бишь моим отцом, не ладил, то потом в клинике я нередко встречал его.

Папа якобы навещал родителя, навerstывал упущенное... Ага, ага, как будто я такой наивный дурачок и не понимал, зачем отец бежит к выжившему из ума деду. Упущенное навerstывает — сто процентов, больше ж никаких поводов у него быть не могло.

Потом как гром среди ясного неба смерть деда, хотя врачи прочили ему еще лет пять.

И завещание...

В котором дед решил стать кукловодом моей личной жизни.

Одно из условий: «Багиш должен жениться до наступления тридцати лет».

Нормально, а?

Конечно же, он вписал это условие в завещание без подачи отца, я в это свято верю... Спойлер — нет.

Ведь на тот момент у меня и намека на невесту не было.

Полгода я пробовал кого-то там искать, думал, может, все-таки встречу ту самую... Если бы она еще была. Но не встретил, остановил поиски на Нэлли. Идиотский выбор сделал, как сейчас понимаю.

И вот до тридцатника считанные дни, а вариантов выполнить условия завещания — ноль. Уж конечно, отец от радости до потолка прыгнет.

Но нет, не позволю!

Я со студенческой скамьи в этой фирме, имею генеральную доверенность, хотя фактическим владельцем вплоть до моего тридцатилетия назначена бабушка. Потом согласно завещанию, если не женюсь, все перейдет отцу. Но я этого не допущу, не вручу ему дедовскую фирму на блюде с голубой каемочкой.

Судьба у меня какая-то проклятая, честное слово.

Сколько на меня давили с этой женитьбой! Дед, бабка...

«Слушай, Багиш, мудрость старшего поколения, заруби на носу — счастье только в браке случается, детишек тебе пора». «Один в поле не воин, внук, а семья — это сила». «Пока холостой, все равно что половинка от человека».

Потом подключилась и мать... Особенно после того, как с отцом развелась, будь он неладен. Вот уж кто паршивая овца в семье. Кстати, у него своя фирма есть! Куда он меня не пустил в свое время, потому что где уж мне — дети от новой жены всяко дороже родного сына.

Неделя, чтобы найти жену...

Пять дней — если считать до выходных.

Даже четыре, ведь сегодня я-то точно уже никого не найду.

Ну и кому дед удружил своим завещанием?

Наконец пробка рассасывается, машины начинают двигаться.

Потихоньку смеркается, фонари уже включились, а пар я так и не выпустил. Хоть на трассу выезжай, ей-богу. Сейчас бы на платную дорогу в Анапу, и педаль газа в пол...

Выезжаю на перекресток, чтобы свернуть на дорогу, ведущую из города.

Светофор горит зеленым, машин наконец ни одной. Первый раз за час могу нормально ехать. Чуть давя на газ, стрелка спидометра ползет вверх.

И тут, словно из ниоткуда, на дороге появляется какая-то тетеха с волосами неопределенного цвета. Они как кудрявое облако обрамляют ее глупую голову. А что глупая — факт, иначе какого рожна поперлась через дорогу на красный!

— Идиотка! — ору я и резко бью по тормозам.

Все, что успеваю еще сделать, это надавить на сигнал. И немного помолиться.

Молитва не помогает.

Вцепившись мертвой хваткой в руль, с ужасом наблюдаю, как собственная машина неумолимо приближается к девчонке. Антиблокировочная система срабатывает, педаль тормоза вибрирует под ногой.

Девчонка пытается отскочить в сторону, размахивает руками, но не успевает. Бампер моей машины с глухим ударом толкает ее в правый бок. Она теряет равновесие, падает назад на асфальт.

Звездец...

Машина наконец останавливается в метре от столбика. Двигатель глохнет, в салоне повисает звенящая тишина.

Выскакиваю на улицу, бегу к лежащей на дороге девчонке. Она без сознания! Очевидно, что стукнулась об этот столбик затылком.

— Дура, что под колеса лезешь?! — ору я, хотя понимаю, что она меня не слышит.

Сбил человека...

Только этого не хватало! Мало мне проблем с Нэлли...

Достаю телефон, сразу вызываю скорую.

Пока она едет, осматриваю девушку внимательнее. Молодая, лет восемнадцать, может чуть больше. Лицо красное, в каких-то пятнах — аллергия, что ли? Волосы действительно странного цвета — то ли красные, то ли рыжие, то ли в крапушку. Одета бедно: дешевые джинсы, потертая куртка, кроссовки явно не первой свежести.

Видимо, какая-то студентка. Или уборщица.

Где ее мозг? Мало того, что стала переходить дорогу в неположенном месте, так еще и на красный! Хорошо, у меня видеорегистратор.

Но и девчонку жалко очень.

— Эй, ты как?

Вижу, как дрожат ее пушистые ресницы, приходит в себя...

Глава 5. Чудо в перьях

Багиш

Повинуясь импульсу, я подхватываю девчонку с земли и несусь к своей машине.

Она легкая, как пушинка, но стонет от боли. Аккуратно усаживаю ее на заднее сиденье, только потом вспоминаю, что людей с травмой головы вроде как перемещать нельзя. Но уже поздно что-то менять.

— Ой... — охает она, трогая правый бок. — Больно...

Включаю в машине свет и, не мудрствуя лукаво, задираю ее черную кофту, чтобы осмотреть место удара. Бок действительно красный, но не критично. Удар был несильный, поскольку я успел вовремя затормозить.

Но даже не это привлекает мое внимание.

Я слишком быстро и слишком высоко задрал ее кофту, оголив часть груди. Хорошей такой уверенной двоечки, явно природного происхождения, очень милой формы и... без лифчика.

Аж зависаю на пару секунд от этого зрелища — тут уж чисто мужской инстинкт, ничего не поделать. Повернут я на женской груди, скрывать не буду. Фетиш мой.

Однако девушка быстро спохватывается, дергает на себя кофту-балахон, закрывается.

— Простите! — краснеет она еще сильнее.

Смаргиваю морок и начинаю осторожно ощупывать ее ребра. Вроде ничего не сломано, кости целые. Радуюсь этому факту, но тут девчонка начинает жаловаться на головную боль.

— Треснулась сзади...

Осторожно осматриваю ее голову и обнаруживаю в пушистых волосах... Перья! Мелкие белые перышки, мать их так! Откуда бы им тут взяться?

— Что это за перья у тебя тут? — спрашиваю, выковыривая одно из ее кудряшек.

— Лебяжий пух... — всхлипывает она.

Впрочем, времени разбираться с ее волосами нет, оставляю это на потом.

Поворачиваю ее к себе и осторожно ощупываю затылок. Там наливаются приличная шишка.

— Как тебя зовут? — спрашиваю, доставая из бардачка аптечку.

— Ася...

«Ася, Асенька, Асек, передок наискосок! И мозги набекрень, потому что все ей лень!», — вспыхивает в голове дурацкая дразнилка из детства. Хотя девчонке и так не позавидуешь.

Достаю гипотермический пакет, активирую его и прикладываю к ее затылку.

— Держи вот так. И не убирай, пока не согреется.

Она послушно накрывает пакет рукой.

Снова звоню в скорую, спрашиваю, скоро ли явятся.

— Пробки по всему городу, ждите в течение часа, — отвечает диспетчер равнодушным голосом.

— Час?! А если бы кто-то умирал? — возмущаюсь я.

— Мы делаем все, что можем.

— Спасибо, уже не надо! — в сердцах рявкаю я.

Вешаю трубку.

На хрен эту скорую.

Поворачиваюсь к Асе:

— Давай, сам отвезу тебя в больницу. Надо, чтобы тебя срочно осмотрел врач, а эту скорую фиг дождешься.

В платной клинике нас принимают без всяких очередей.

Через полчаса мы уже сидим в кабинете травматолога. Врач — мужчина лет пятидесяти с усталым лицом и очками на кончике носа — методично осматривает Асю.

— Как дела с памятью? Помните, что ели на завтрак? — спрашивает он, светя фонариком в ее зрачки.

— Помню... Бутерброд с колбасой, — тихо отвечает она.

Врач кивает, прощупывает ее голову, проверяет рефлексy.

— Переломов нет, — сообщает он наконец. — Сотрясения — тоже. Ася, вы, можно сказать, в рубашке родились. Отделались легким ушибом мягких тканей.

Меня потихоньку отпускает. Слава богу, не сделал из девчонки инвалида.

Врача больше волнуют даже не ее повреждения от удара, а состояние лица.

— Это что у вас? — Он показывает на красные пятна. — Какая-то аллергическая реакция?

Ася виновато опускает глаза:

— Пыталась веснушки свести... А получилось...

— Химический ожог кожи у вас получился, — качает головой врач. — Ужас какой! Я вам сейчас выпишу специальную мазь. И больше никаких экспериментов с лицом!

Он вручает Асе рецепт, советует хорошенько отдохнуть и аккуратнее переходить дорогу.

Помогаю Асе выйти из кабинета, веду на улицу. При этом внимательно приглядываюсь к ее движениям. Боюсь, что могут быть какие-то скрытые повреждения, хотя врач сказал, что отделалась легким испугом и шишкой, которая благодаря холоду значительно уменьшилась.

Ася идет нормально, не шатается.

Единственный нюанс — очень-очень расстроенная. Еще бы, попасть в такую заварушку.

Подвожу ее поближе к фонарю, вглядываюсь в грустное опухшее лицо.

— Претензии ко мне есть?

Она моргает пушистыми ресницами:

— К-какие претензии?

— Ну как бы я тебя сбил. Ты, конечно, сама виновата — на кой леший на красный шла? Понимаешь, чем все могло закончиться? Это у меня машина новая, нормальная, хорошая тормозная система. В другом случае тебе могло очень не повезти. Тебя насмерть сбить могли! И я сейчас не шучу.

На это Ася вообще ничего не отвечает. Лишь стоит, моргает своими ресницами и, кажется, собирается рыдать. Только этого мне еще не хватало...

— Ладно, проехали с нравочениями, — говорю я примирительным тоном. — Повторяю вопрос — претензии ко мне есть? Из-за происшествия.

— А-а... нет, — отвечает она расстроенным голоском.

— Хорошо. Давай тогда зайдем в аптеку, куплю то, что доктор тебе прописал. Потом отвезу, куда скажешь.

— Не надо везти, — вдруг отвечает она. — Просто оставьте меня тут, и все. Спасибо.

Э-э... Подвисяю после такого замечательного ответа.

— Как это не надо? — развожу руками. — Конечно надо! Ты не слышала, что доктор говорил? Тебе надо отдохнуть, полежать. Поэтому я отвезу тебя домой, это даже не обсуждается. Где ты живешь?

Вроде бы простой вопрос, но именно он окончательно добивает девчонку. Она принимается почти неконтролируемо всхлипывать, а по щекам катятся слезы — крупные! Такое захочешь сыграть, не сыграешь.

И вдруг она выдает:

— А я сегодня нигде не живу!

Одной этой фразой ломает всю мою логику.

Чокнутая какая-то, что ли?

Ну да, все факты сходятся: перья в волосах, через дорогу на красный бегают, теперь вот еще нигде не живет. Сегодня...

Только чокнутой девчонки мне не хватало. Почему сегодня одни сплошные проблемы? Где я накосячил, что вселенная решила вывалить на меня все это за один несчастный вечер? Сначала Нэлли, теперь это чудо в перьях на мою голову.

— Как это нигде не живешь? Где-то же должна жить...

— Я с парнем жила, — всхлипывает Ася. — Но сегодня пришла домой, а там эти красные сапоги в прихожей, и потом...

Она замолкает, кривит лицо и натужно дышит.

Но мне все понятно и без продолжения. По ходу дела, нас таких сегодня двое. Я вот тоже домой пришел, а там... Лучше бы не приходил.

Вот почему она такая расстроенная и ведет себя неадекватно.

Все становится на свои места.

— Ясно. Можешь не продолжать, — киваю я.

Не то чтобы она собиралась — взгляд опустила, губы жует. Очевидно, что ей не до душевных бесед с незнакомцем, который ее сбил.

Но делать-то что-то надо, не на улице же ее оставлять.

— Родители твои где? — продолжаю расспрос.

— В другом городе. Я студентка, приезжая...

Четко я угадал.

— Понятно. Как насчет подруг?

— К подруге не вариант. — Она вытирает нос рукой. — Да вы не волнуйтесь, тут меня оставьте, и... Я как-то сама.

Не знаю, кому как, а мне лично совесть не позволит оставить ее, чтобы она «как-то сама». Видел я, как она уже «как-то сама» переходила дорогу в таком состоянии. Да и вообще... Я ее все-таки сбил. Причинил моральный и физический ущерб, а значит автоматом несу за нее ответственность.

— В общем, так. Поедем ко мне. Выспишься, отдохнешь, а наутро решим, как быть дальше.

— Я к вам никак не могу... — пугается она.

— А это был не вопрос, Ася. Считай, я так извиняюсь за нанесенный ущерб. Ничего ужасного не случится, если ты сегодня поспишь на моем диване. Ать-два, за лекарствами!

Отчего-то именно мой командирский голос действует на нее успокаивающе. Слезы прекращаются, сомнения — тоже. Она больше не спорит, послушно идет за мной в аптеку.

Справляемся быстро — рецепт небольшой. Мазь для лица да обезболивающее.

После этого помогаю Асе забраться в машину и везу домой. К себе, как бы странно это ни звучало. А что еще я могу сделать в такой ситуации?

На дороге ни одной даже крохотной пробки. Вселенная будто решила смириться, когда уже не важно.

Паркую машину у подъезда, помогаю Асе выбраться.

Подмечая, с каким удивленным видом она смотрит на элитную многоэтажку. Благоговейно оглядывается, когда заходим в мраморный холл с зеркалами и позолотой. Даже лифт ей нравится, хотя, увидев себя в зеркале, девчонка отворачивается.

Неудивительно с ее-то лицом. Грудь что надо, а вот физиономия подкачала. И с волосами тоже беда какая-то. Не повезло дурехе с внешностью. Ситуацию спасают разве что зеленые глаза и густые ресницы, иначе совсем беда.

Веду ее в квартиру, хотя сам не знаю, что меня там ждет.

Ведь Нэлли могла из природного идиотизма все там расколошматить или залить водой. Раньше я бы подумал — такое невозможно, но сегодня она открылась с совершенно новой, уродливой стороны.

Вставляю ключ в замок, поворачиваю.

Открываю дверь и обнаруживаю, что...

Нет, Нэлли ничего не расколошматила и не залила.

Дела обстоят хуже.

Она никуда не ушла.

Глава 6. Код красный

Багиш

Сказать, что я взбешен, — ничего не сказать.

Мало того, что эта стерва изменила с курьером прямо в нашей постели, так она еще и проигнорировала тот факт, что я выгнал ее из МОЕЙ квартиры. Какая же она несусветная дрянь! Я же четко сказал — собирай вещи и вали.

А она что делает?

Такого хамства я не видел даже от своего отца, а это о многом говорит. Думает,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.